

ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ К РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО “БЕСЫ”

© 2019 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

Дата поступления материала в редакцию: 29 апреля 2019 г.

Дата публикации: 31 августа 2019 г.

ABOUT THE PROPER NOUNS IN DOSTOEVSKY'S DRAFTS FOR HIS NOVEL “THE POSSESSED”

© 2019 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Makarov Embankment 4, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

Received: April 29, 2019

Date of publication: August 31, 2019

Резюме. В статье анализируется проблема адекватного прочтения и воспроизведения черновых рукописей Ф.М. Достоевского, связанная с вопросом о применении строчных и прописных букв для обозначения персонажей создаваемого в 1870–1872 гг. романа “Бесы”. Этот вопрос имеет первостепенное значение для формирования смысла записи, одно и то же слово, написанное со строчной или прописной буквы, резко меняет смысл текста, обретая свойства имени собственного или имени нарицательного (красавица / Красавица, учитель / Учитель, наездница / Наездница и др.). Выдвигается гипотеза об инструментальном использовании Достоевским онимов и апеллятивов в работе над романом “Бесы”: на раннем этапе создания художественной формы ему оказались нужны особого рода именованья лиц, которые совмещают себе социально-культурную характеристику лица, получающую функцию называния. В статье содержится анализ использования писателем пар оним / апеллятив при формировании корпуса персонажей романа “Бесы”.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман “Бесы”, черновые записи, имена персонажей, оним, апеллятив, мезоним.

Abstract. The article analyzes the problem of adequate reading and reproduction of draft manuscripts by F.M. Dostoevsky, related to the question of the use of lowercase and uppercase letters in the names of characters in the novel “The Possessed”, created in 1870–1872. This question is of paramount importance for the formation of the meaning of the records: the same word written with a lowercase or uppercase letter changes the meaning of the text, acquiring the properties of a proper name or a household name (beauty / Beauty, teacher / Teacher, rider / Rider, etc.). A hypothesis is put forward about the instrumental using by Dostoevsky names and appellatives in the work on the novel “The Possessed”, in the early stage of creating the form he needed a special kind of naming of persons who combine the socio-cultural characteristics of the person receiving the function of naming. The article contains the analysis of the writer’s use of pairs of onim / appellative in the formation of the set of characters in the novel “The Possessed”.

Keywords: F.M. Dostoevsky, novel “The Possessed”, draft records, names of characters, onim, appellative, mezonim.

Для цитирования: Баршт К.А. Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф.М. Достоевского “Бесы” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. DOI:

For citation: Barsht, K.A. *Ob imenah sobstvennyh v podgotovitel'nyh materialah k romanu F.M. Dostoevskogo “Besy”* [About the Proper Nouns in Dostoevsky’s Drafts for his Novel “The Possessed”]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 4, pp. (In Russ.) DOI:

DOI:

К вопросам поэтики имени в творчестве Достоевского отечественная филологическая наука обратилась в 1930-е годы. Эта проблема живо интересовала участников пражского семинария А.Л. Бема, которыми был создан “Словарь личных имен в произведениях Достоевского” [1, с. 1–81 (вторая пагинация)]¹. Глубоким и многосторонним исследованием имен в произведениях писателя явилась книга М.С. Альтмана “Достоевский. По векам имен” [2, с. 139–248]. Фундаментальное общетеоретическое значение для развития этой темы имеют работы П.А. Флоренского [3, с. 169–234], С.Н. Булгакова [4, с. 13–240], А.Ф. Лосева [5, с. 168–245], В.В. Виноградова [6, с. 139–637]. В последние годы исследование имен в творчестве Достоевского обратилось к литературному и культурному контексту, мифологии, новым лингвистическим потенциалам. Из важнейших современных исследований этого вопроса необходимо назвать работы В.Н. Топорова [7, с. 7–111], где изучается связь имен в текстах Достоевского с древнейшими ономастическими моделями, а также работы С.С. Аверинцева и О.М. Фрейденберг, проанализировавших древнейшие мифологические корни имени в аспекте антропогенеза [8, с. 28–124]; появилось и немало исследований творчества Достоевского, в разных аспектах затрагивающих данную проблему².

Отмечено, что Достоевский нередко писал “в одном предложении или абзаце одно и то же слово <...> то с прописной, то со строчной буквы”; указывалось, что столкновение с этой проблемой свойственно практически всем современным изданиям “Бесов”, а также выражалось сомнение в верности такого подхода, нарушающего авторскую волю писателя. [9, с. 300]. Звучала неудовлетворенность тем, в каком состоянии этот вопрос в академическом издании Пушкинского дома, где строчная и заглавная буквы стоят в неполном соответствии со смыслом текста: “Заглавные буквы в именах Бога и Богородицы, других святых имен, вынужденно пониженные по требованиям советской цензуры, восстанавливаются” [10, с. 387]. Восстановление правильного написания теонимов в завершенных текстах Достоевского не является слишком сложной проблемой, трудности поджигают нас, когда речь заходит об именах собственных и нарицательных в тексте черновых записей Достоевского.

При публикации рукописей Ф.М. Достоевского к роману “Бесы” в составе полного собрания сочинений (1973) [11, с. 58–333] был применен принцип, согласно которому все имена, так или иначе соотносимые с действующими лицами произведения, воспроизводятся с прописной буквы. В рукописи это выглядит иначе, в ряде случаев писатель

¹ См. об этом: Магидова М. К истории создания “Словаря личных имен у Достоевского” // Достоевский и мировая культура. Альманах № 21. СПб., 2005. С. 225–245; Тихомиров Б.Н. О практической ценности пражского “Словаря личных имен у Достоевского” // Там же. С. 246–256.

² Коган Г.В. “Загадочное имя Свидригайлов” (“Преступление и наказание” и периодическая печать 1860-х гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 5. С. 426–435; Она же. Почему Родион Раскольников? (Источники имен и фамилий персонажа) // Слово Достоевского. 2000. М., 2001. С. 172–198; Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”: Комментарий. М., 1984. 240 с.; Тихомиров Б.Н. Почему Родион Раскольников? // Русская речь. 1986. № 2. С. 35–39; Беляев В.В. Имя “Грушенька” в “Братьях Карамазовых” как антропоним // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 176–181; Ашимбаева Н. Лексема “князь” в контексте произведений Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 9. М., 1997. С. 57–66; Ди-

лакторская О.Г. Имена собственные в “Хозяйке” Ф.М. Достоевского // Русская речь. 1995. № 3. С. 14–18; Она же. О значении фамилии “Ферфичкин” в “Записках из подполья” Ф.М. Достоевского // Русская речь. 1998. № 1. С. 11–14; Владимирцев В.П. Поэтический bestiарий Достоевского // Достоевский и мировая культура. Том 12. М., 1999. С. 120–134; Виноградова Н.В. Имя персонажа в художественном тексте: Функционально-семантическая типология. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001; Касаткина Т.А. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа “реализма в высшем смысле”. М., 2004. 479 с.; Скуридина С.А. Ономастика романов Ф.М. Достоевского “Подросток” и “Братья Карамазовы”. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007; Двинятин Ф.Н. Из заметок по поэтике имени (Курочкин, Достоевский, Мандельштам, Набоков) // Имя: Семантическая аура. М., 2007. С. 256–270; Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М., 2013.

действительно употребляет написание имени с прописной буквы, в других случаях те же имена пишет со строчной. В левой части оппозиции – академическая публикация, в правой – оригинальное написание в рукописи Достоевского:

Воспитанницы / воспитанницы
 Воспитаннице / воспитаннице
 Учителю / учителю” [11, с. 58]³
 “Воспитанницу / воспитанницу
 Воспитаннице / воспитаннице
 с Учителем / с учителем
 Учителя / учителя
 Учителю / учителю” [11, с. 59–60], и так далее.

Налицо систематическая замена апеллятива на оним, со всеми вытекающими отсюда последствиями для формирования текстового значения. Стоит ли придавать этому значение, или, учитывая, что речь идет о персонажах задуманного произведения, можно считать эти упоминания персонажей исключительно именами собственными, как это предположил главный редактор полного собрания сочинений Достоевского Г.М. Фридендер?

Вопрос о сущности процесса означивания в именах издавна является одним из важнейших в филологической науке. [12, с. 11–64] Достаточная ясность всегда наблюдалась в отношении семантики нарицательных имен, в то время как с именами собственными ситуация более сложная, они вступают с общеязыковой системой в непростые отношения. Начиная с Дж. Милля, считавшего, что с помощью имен собственных мы ставим “отметку” на предметах внешнего мира, и потому имена собственные не имеют лексического значения и не способны выражать понятие, развивается тенденция считать имена собственные имеющими либо небольшой смысловой потенциал, либо его полное отсутствие: «Из названий предметов ничего не означают только собственные имена, и именно они-то, строго говоря, и не имеют никакого “значения”» [13, с. 83]. Отсюда некоторыми исследователями делается вывод, что не может быть переходных или промежуточных стадий в имени, расположенном между собственным и нарицательным. [14, с. 34–40].

Оппоненты этой точки зрения считают, что имена собственные имеют некоторое лексическое значение, правда, оно существенно отличается от лексического значения имен нарицательных. [15, с. 15–36]. Н.Д. Арутюнова выделяет три семантические разновидности идентифицирующих слов: 1) “Дейктические слова, <...> приложимые к любому референту”; 2) “Имена собственные,

обладающие свойством уникальной референции. Их наполнение также обусловлено признаками денотата, выбор которого, однако, независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени)”; 3) нарицательные имена. Первые два вида “семантически ущербны”, так как не передают какой-либо объективной информации”; со ссылкой на Дж. Милля, Н.Д. Арутюнова указывает на основное свойство имени собственного: реализация возможности идентифицировать индивидуум и связать его с той информацией, которой он располагал ранее: “Собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного. Оно не переводится и не перифразируется”. Имена нарицательные, напротив, «... приложимы к любому предмету, относительно которого истинно их значение. Последнее представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, ее костяк, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный “скелет” до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов» [12, с. 2–3].

Представление о том, что имя собственное – пустое (асемантическое) в лексическом отношении, обладая вместе с тем такими свойствами как непереводаемость, неподдатливость метафоризации, искупается иными его свойствами, среди которых первое – бытийная интенсивность онима, который, в отличие имени нарицательного, всегда наполнен живым смыслом, плюс его морфологическая и фонетическая гибкость, без всякого ущерба для смыслового содержания (“Петр”, “Петя”, “Петр Иванович” и т.д.).

Имя собственное выделяет объект из массы ему подобных; нарицательные имена, напротив, включают обозначаемый объект в ряд других, затушевывая его исключительность и акцентируя его родовую принадлежность; таким образом номинативные функции находятся на противоположных полюсах. Можно также сказать, что имя собственное фиксирует онтологический статус вещи, подчеркивая его бытийное состояние, в то время как имя нарицательное – его свойства, роднящие его с другими объектами или явлениями. Бытийная интенсивность имени отмечена А.Ф. Лосевым: “... всё полно веры в имена, славословия именам, упования на имена, страха и трепета пер-ед именами”. [16, с. 8].

О “не пустых”, но мотивированных онимах писал А.А. Потебня, сочувственно ссылаясь на Рудольфа Германа Лотце, указывавшего, что новое имя появляется там, где “мы не в силах

³ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 21.

действительно определить место, занимаемое известным явлением в целом природы”, и это, в сущности, процесс креативный, имя “удовлетворяет человеческому стремлению постигать объективное значение вещей, оно представляет незнакомое нам чем-то не безызвестным общему мышлению человечества <...> Потому-то произвольно данное нами имя не есть имя; недостаточно назвать вещь как попало: она действительно должна так называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мире общепризнанного и познанного, и как прочное определение вещи должно ненарушимо противостоять личному произволу” [17, с. 148]. О. Есперсен также решительно отказывался от жесткого водораздела между нарицательным и собственными именами, придя к выводу, “что между именами собственными и именами нарицательными нельзя провести четкой границы, поскольку различие между ними количественное, а не качественное. Название всегда коннотирует качество или качества, по которым узнается его носитель или носители, своими качествами отличающиеся от других лиц или предметов. Чем более своеобразным и специфичным является обозначаемый предмет, тем более вероятно, что название ему будет дано произвольно, и тем более оно приближается или даже превращается в имя собственное” [18, с. 77]. На отсутствие жесткой границы между именами собственными и нарицательными указывали также Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.А. Белецкий, А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов и др. Становится очевидно, что в языке граница между нарицательными собственными именами имеет условный характер, в процессе перехода имени признаки “нарицательности” либо возрастают, либо редуцируются.

В процессе движения мысли писателя, слово, которым обозначается персонаж, обретает все большую самодовлеющую устойчивость и автономность, и динамика и ритм этого семиозиса, утрата словом своей этимологии, обретение иного смысла, смена обозначаемого, другие процессы — всё это образует набор важнейших параметров движения творческой мысли писателя. Попеременное использование Достоевским онимов и апеллативов в работе над своим романом связано с тем, что писателю на определенном этапе его творческой работы были нужны такого типа неузуальные именованья лиц (Красавица, Учитель, Студент, Воспитанница, Князь, Наездница), которые совмещают себе функции называния и в то же время указания на качественную характеристику. Вне сомнения, здесь речь идет об имени собственном, однако к их свойствам относится актуализированная связь с апеллативом. Понимание смысла этого

инструментального отношения к омонимическим парам оним / апеллатив для формирования художественного мира и корпуса персонажей романа “Бесы” может дать правильное текстологическое решение для публикации черновых подготовительных материалов к этому произведению.

Для того чтобы увидеть своего героя и вступить с ним в диалог, его нужно “назвать”, функцией называния обладает именно имя собственное, в отличие от имени нарицательного, которое не называет, но обозначает. Основой семантики имени собственного является единичное представление, цельный зрительный образ; отсюда резко повышается роль “лица идеи”, многократно подчеркнутого Достоевским в качестве основы его творческого процесса. Отсюда ясно, почему писателю было важно сначала сформировать зрительный образ и лишь затем перевести его в вербальную форму [19, с. 317–424]. Параллельно этому процессу и фактически находясь с ним в глубинной родственной связи, развивался путь от нарицательного слова к собственному имени, вначале проглядывавшего в виде смены строчной на прописную, а затем — в формирование полноценного имени героя. Но в самом начале работы в творческом процессе писателя существовал формат промежуточного типа, совмещающего в себе свойства нарицательного и собственного имени. Такого рода языковые образования называют мезонимами, к их основным свойствам относится способность при сохранении нарицательной мотивации называть уникальный предмет, сохраняя тем самым свойства нарицательного и собственного имени.⁴ Для Достоевского эта амбивалентность антропонима типа “Воспитанницы” или “Студента” и других рабочих прозвищ персонажей оказалась удобным форматом для выращивания из этого корня характеристик его стиля поведения, речи, внешнего облика. Такого рода антропонимы, выглядят как имена собственные, но обладают способностью формировать понятие и тем самым приближаются к нарицательному имени [20, с. 3–4, 7].

⁴ О. Есперсен отмечает, что название всегда выражает качества, по которым узнается его носитель, своими свойствами отличающийся от других лиц и предметов: “Чем более своеобразным и специфичным является обозначаемый предмет, тем более вероятно, что название ему будет дано произвольно, и тем более оно приближается или даже превращается в имя собственное. Если говорящий хочет указать на конкретное лицо или предмет, он имеет иногда в своем распоряжении специальное название, т. е. имя собственное, которое в данной ситуации будет понято как обозначение этого лица или предмета; иногда же ему приходится составлять из других слов сложное обозначение, достаточно точное для этой цели” [18, с. 77].

А.В. Суперанская отмечает, что в процессе своего образования оним проходит три фазы становления по направлению от “микроименования” до “макроименования”, с промежуточной стадией; микроназвания понятны и несистемны, макроназвания системны и отчасти понятны, в то время как собственно названия (мезо) непонятны и системны: микроименования “близки к нарицательным и отличаются от них лишь привязанностью к отдельным объектам, которым они даны в индивидуальном порядке” [21, с. 169]. Функция называния первична в процессе языкового освоения мира, в данном случае — художественного мира произведения, по отношению к функции обозначения понятия. Денотат как обобщенный образ предмета формируется в сознании человека как обобщенное представление о множестве различных предметов. С другой стороны, линия, отделяющая нарицательное от собственного, условна, зыбка и легко проницаема, на это указывают явления онимизации первого и апеллативизации второго. Работа Достоевского в этом направлении показывает, что писатель хорошо понимал сущностную особенность имени собственного, которое находится в сфере дограмматического знакового мышления, являясь первым проявлением во внешнем мире “внутреннего языка” мышления человека [22, с. 239]⁵. С другой стороны, имена собственные коннотируют большее количество признаков [18, с. 71–72], сравнительно с именами нарицательными, что немаловажно для формирования внутренних предметно-смысловых связей в нарождающемся художественном мире. Выше уже отмечалась бедность семантики имени собственного, действующего в узких рамках номинативной функции и слабо выполняющего функцию семасиологическую, практически полный отказ от полисемии при частом развитии явлений омонимии.

Недостатки и достоинства онима и апеллатива писатель хорошо чувствовал и использовал для нужд творческого процесса способность апеллатива связывать героя с языком и культурой, отсутствие антонима и способность онима быть в противопоставлении со всеми другими словами языка и всеми обозначаемыми этими словами сущностями, формируя своего протагониста из “избытка

видения автора”, формируя перспективу эстетического “диалога” [23, с. 104–106]. На этом пути, помимо гибридных “мезонимов”, возможны словосочетания, состоящие из имен нарицательного и собственного: “сантехник Семенов”, где первое слово становится семантическим фундаментом для второго, а нарицательное название человека обрастает пучком коннотаций, рождая “фон за спиной героя”, как сказал бы М.М. Бахтин. Такого рода примеры мы во множестве видим в рукописи “Бесов”: “студент” постепенно обращается в “Студента”, который затем получает имя — Петр Верховенский.

Следует также учесть определенные различия, существующие между языком и речью, с одной стороны, и внутренней речью и внешней речью — с другой. Формирование дискурса Достоевского в его рабочей тетради шло по пути обращения естественного (лингвистического) языка в нарратив — речь диегетического нарратора, обладающего вполне ясной и определенной точкой зрения на внутренний мир произведения и всех находящихся в нем персонажей. Достоевский продумывал сюжет, используя беззнаковый внутренний язык [22, с. 151, 157], и после этого переводил ее, используя широкий набор идеографических средств (рисунок, каллиграфию), в вербальную форму. Л. Выготский считал, что внутренний язык мышления — дознаковый, т.е. это чистые понятия, фактически не имеющие означаемых. Формирование денотата имени собственного обусловлено образным видением, за счет чего и происходит идентификация конкретного обозначаемого объекта. Таким образом можно было бы определить идеальное имя собственное, также стремящееся к тому, чтобы вобрать в себя весь мир без остатка. С другой стороны, имя собственное более факт речи, чем языка, свойство имени собственного заключается в его потенциальной (или в активной фазе) цитатности. Нарождающееся в творческом процессе Достоевского имя собственное можно определить как “имя контактное”, т.е. промежуточное, гибридное, в котором пучки новых свойств, обращающих его в имя собственное, только нарождаются. Следует отметить, что имя собственное, несмотря на всю свою автономность и самодостаточность, чрезвычайно вариативно, и особенно это касается имен литературных героев. Представления о “дон-кихотах”, “гамлетах”, “вертерах”, на которых основано взаимодействие литературы и культуры, показывает невероятную легкость, с которой рожденное имя собственное возвращает себе, на ином семантическом уровне, свою нарицательность. Такого рода полуантропонимы, образуя особый подвид имен собственных, совмещают в себе, казалось бы,

⁵ “...мысль и слово оказываются с самого начала вовсе не скроенными по одному образцу. В известном смысле можно сказать, что между ними существует скорее противоречие, чем согласованность. Речь по своему строению не представляет простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеяться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется” [22, с. 307].

несовместимое: отсутствие и наличие референта, отсутствие и наличие денотата, отсутствие и наличие лексического значения, обладая и способностью выразить понятие, и образностью, столь важным качеством для художника слова.

В работе по формированию языка своего произведения Достоевский широко пользовался такого рода языковыми формами, опираясь на смыслы составляющих определенное выражение единиц, и ономастической, где отсутствуют какие-либо лексические значения — в этом случае для мнемонической опоры на запись он пользовался каллиграфией или индексальным рисунком (готические формы, например). Именно обход с помощью рисунка лексических значений, которые в данном случае, как ни парадоксально, являются помехой в творческой работе писателя, он формировал имена, становящиеся опорными столбами будущего сюжета произведения. Имя собственное, например, топоним, апеллирует не столько к предмету, сколько к его зрительному образу, сколько к его «образу <...> в нашем сознании» [24, с. 57]. Семантические смыслы (имя нарицательное) и ономастические (имя собственное) постоянно менялись местами в этом процессе, каллиграфическая ономастика оказывала давление на идеологию задуманного произведения, графическая семантика — на формирование характеров персонажей. Пути референции совпадали или перекрещивались, вступали в непримиримый конфликт, который был благом для писателя, обходившего созданные ими логические тупики и находившего в результате новые пути для создания формы.

В этих колебаниях между строчной и прописной в написании имени персонажа пучки контекстовых условий, образующиеся в результате коннотации, обеспечивают мерцание нарицательного признака в каждом имени собственном и проявление возможности стать именем собственным в каждом имени нарицательном [21, с. 366]. Учет формы написания имени персонажа является ключевым условием верного текстологического решения. Принципиально различен смысл между «зарится на Красавицу дочь» и «зарится на красавицу дочь» [11, с. 58]⁶. Существенно не только то, что речь фактически идет о «красавице-дочери», с пропущенным, в обычном для писателя стиле, дефисом, но и о том, что словосочетание «зарится на Красавицу дочь» не имеет никакого логического смысла и является грамматическим парадоксом.

В каком-то смысле «красавица» и «Красавица», означая существенно разное, являются

фонетическими омонимами, это может вызывать когнитивные трудности в речевом общении, но может использоваться и как инструмент в творческой работе художника слова, что и показывают нам черновые записи Достоевского к роману «Бесы». Автоматическое написание прописной буквы в обозначениях персонажей в рукописи «Бесов», помимо искажения творческой истории этого произведения, приводит к логическим казусам. Так, написанный Достоевским текст — «Жена Гр<ановского> из дому княгини (она-то и воспитанница)»⁷ — в ПСС передан следующим образом: «Жена Гр<ановского> из дому Княгини (она-то и Воспитанница)» [11, с. 81]. Это вызывает недоумение: оним получает совершенно лишнее для него качественное определение, которое без сомнения может относиться только к апеллятиву: «

Подобным же образом фраза «А.Б. постоянно (в продолжение романа) всё более и более завидует Учителю» семантически не равна: «А.Б. постоянно (в продолжение романа) всё более и более завидует учителю», «кокетничать с Учителем» — «кокетничать с учителем» [11, с. 60]⁸, «Учитель не смел» — «учитель не смел», «высокомерен с Учителем» — «высокомерен с учителем», «Учитель отбил / учитель отбил», «Генерал сватается к Воспитаннице» — «Генерал сватается к воспитаннице», «Какая-нибудь история с Учителем, где он удивительно ведет себя» — «Какая-нибудь история с учителем, где он удивительно ведет себя» [11, с. 61]⁹, «К Графу» — «к графу», «Встреча с Воспитанницей» — «Встреча с воспитанницей», «Идет к Учителю» — «Идет к учителю», «взять *ту* у Учителя» — «взять *ту* у учителя», «бросается к Учителю» — «бросается к учителю», «берет Воспитанницу» — «берет воспитанницу», «Ненавидит Графа и Князя» — «ненавидит графа и князя», «Князь Губернатором обижен» — «Князь губернатором обижен», «Губернатор как родственник» — «губернатор как родственник» [11, 62]¹⁰ и др.

Во всех этих случаях Достоевский писал так, как это передано в правой части пар сопоставлений, со строчной буквы. Формирование огромного корпуса лиц, обладающих своеобразной внешностью и личным характером, на данном этапе работы писателя еще не состоялось, и попытка навязать писателю уже обретших самостоятельность персонажей выглядит как ничем не обоснованное искажение творческой истории его произведения.

⁷ РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 4. С. 36.

⁸ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 23.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 25.

⁶ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 21.

Неверное отображение оригинальной графики слова в черновике Достоевского может привести к искаженному пониманию всей фразы в целом, как, например, в таком случае: “Картузов вмешивается в историю Князя с Воспитанницей // Картузов вмешивается в историю Князя с воспитанницей” [11, с. 61]. Если не знать, что речь идет о воспитаннице Генерала, можно представить себе “Воспитанницу” как лицо совершенно постороннее по отношению к нему. Однако это именно его воспитанница, и употребление ее общественного статуса как имени грубо нарушает смысл события. Другой случай подобного рода: “как-нибудь через польского Графа / как-нибудь через польского графа” [11, с. 62]. Наделение некоего польского графа статусом “Графа” искажает творческую историю романа “Бесы”, этот персонаж так и не вырос из статуса “нарицательного” имени с оттенком мезонима, никаких признаков его лица и характера нет ни в рукописи, ни в окончательном тексте произведения, и здесь также необходимо воспроизводить слово “граф” так, как он написано самим автором. В рукописи: “Учитель сам сталкивается с наездницей (раздавили, что ли, его — но большое происшествие, через которое романически поставлен). И когда наездница обратила внимание — князь делает предложение и везет его сам к воспитаннице”¹¹. Достаточно высокий уровень личной определенности одних персонажей и слабая проработанность других приводили в рукописи “Бесов” к таким записям: “Она дочь Генерала и генеральши”, но в т. 11 значится: “Она дочь Генерала и Генеральши”. [11, с. 81] Того же типа фраза: “Гр<ановски>й не едет к Княгине”, вместо правильного: “Гр<ановски>й не едет к княгине” [11, с. 70]¹².

Аналогичный случай существенного изменения смысла мы видим в тексте: “Эта-то Красавица за границей” [11, с. 81], в то время как в рукописи значится: “Эта-то красавица за границей”¹³. Некритическое следование руководящему принципу по переводу всех имен, обозначающих персонажей, в разряд онимов, приводит к тому, что простое выяснение воинского звания определенного персонажа выглядит как смена одного лица на другое: “Не Генерал, а Полковник, отчим ее” [11, с. 90], в то время как значительно более осмысленный текст был написан Достоевским: “Не генерал, а полковник, отчим *ее*”¹⁴. Изменение фона коннотаций, приводящее к неверному толкованию события, мы видим в фразе: “Князь женится на

Воспитаннице” [11, с. 92], что уводит наше представление от предшествующих их взаимоотношениях. В рукописи “Бесов”: “Князь женится на воспитаннице”¹⁵.

На следующих страницах черновика “Бесов” Достоевский разрабатывает новый сюжетный поворот, который не вошел в окончательный текст романа, но где фигурируют несколько лиц, обозначенных этими характерными апеллиятивами со слабым уровнем онимизации, что подчеркивается лишь указанием на их социальную роль или способ действия в момент события — “князь”, “наездница”, “воспитанница”, “учитель”; этот зачаточный уровень онимизации хорошо осознавал писатель, записывая эти слова с прописной буквы. Обращая их в полноценные имена собственные, текстологи 11 тома ПСС Достоевского перевели эскиз сюжетного эпизода со случайным контактом между незнакомыми людьми, ничего не знавшими доселе друг о друге, в разряд встречи лиц, хорошо известных нарратору. Тем самым повествователь Достоевского, формируемый вместе с персонажами и романном миром “Бесов”, из некомпетентного и диететического, каков он в рукописях и окончательном варианте произведения, обращается в компетентного и экстрадиететического, чего, конечно, не было: “Учитель сам сталкивается с Наездницей (раздавили, что ли, его — но большое происшествие, через которое романически поставлен). И когда Наездница обратила внимание — Князь делает предложение и везет его сам к Воспитаннице” [11, с. 63–64]. О том, что формат повествования не был еще выработан Достоевским в этот момент, говорит запись: “Не от себя ли рассказ? 24/12 Января <1870>”¹⁶ (эта важнейшая запись осталась не опубликованной).

Слова, отличием которых друг от друга является первая строчная или прописная буква, имеют существенно различную семантику. Отталкиваясь от “избытка видения” автора, литературный герой постепенно, по мере развития сюжета и повышения уровня полноты художественного мира обретает “самость”, и тем самым, вместе с возрастанием его личности, повышается легитимность заглавной буквы в его имени. Работая над романом “Идиот”, Достоевский записал: “подбором того, об чем пойдет рассказ, всех фактов, как бы непрерывно <...> постановляется на вид и на пьедестал будущий человек” [25, с. 133]. Это возрастание уникальности характера персонажа, от “студента” к “Студенту” и далее к Петру Верховенскому, от “воспитанницы” к “Воспитаннице” и далее к Даше Шатовой

¹¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 26.

¹² РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 4. С. 27.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 4. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 23.

хорошо видно и в записи к формированию характера “Учителя”: “Мысль. Учитель всё более и более, в продолжение всего романа, вырастает в красоте. Начинает с смешного и кончает идеалом красоты вполне” [11, с. 60]¹⁷. Рассматриваемые записи относятся к раннему периоду формирования замысла “Бесов”, январь—март 1870 года, а начиная с апреля 1870 года в рукописях Достоевского появляются имена: “Шапошников” (“Шатов”), сестрой которого является “воспитанница”, время от времени написание ее имени тяготеет к “Воспитаннице”, и это колебание показывает промежуточный уровень мезонима, фиксирующего определенную стадию пути от нарицательного имени к собственному, которое определение лица персонажа в творческом процессе Достоевского в этот период.

Хорошим комментарием к процессу формирования имени и характера персонажа романа “Бесы” может быть следующее размышление А.А. Потебни: “Если мы не в силах действительно определить место, занимаемое известным явлением в целом природы, то довольствуемся одним именем. Имя свидетельствует нам, что внимание многих других покоилось уже на встреченном нами предмете; оно ручается нам за то, что общий разум (Intelligenz) по крайней мере пытался уже и этому предмету назначить определенное место в единстве более обширного целого. Если имя и не дает ничего нового, никаких частных предметов, то оно удовлетворяет человеческому стремлению постигать объективное значение вещей, оно представляет незнакомое нам чем-то не безызвестным общему мышлению человечества, но давно уже постановленным на свое место. Потому-то произвольно данное нами имя не есть имя; недостаточно назвать вещь как попало: она действительно должна так называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мире общепризнанного и познанного, и как прочное определение вещи должно ненарушимо противостоять личному произволу” [26, с. 148].

Достоевский с раннего периода своего творчества стремился к таким формам, которые составляют важнейший элемент его поэтического языка, совмещающая в одном слове предикацию и номинацию, обозначение предмета и сигнификацию. Например, названия его ранних произведений: “Хозяйка”, “Двойник” и др., онимы такого рода манифестируют свою этимологию и акцентированную понятийность, непосредственно связывающую их с именами нарицательными, которые отличаются в данных лишь первой строчной буквой (“хозяйка”, “двойник”). Речь идет об использовании

слова с двойным денотатом, в роли которого выступает конкретный персонаж задуманного произведения и какое-то иное лицо или группа лиц, свойства и признаки которого распространяются в равной степени на оба обозначающих. Опираясь на тот же принцип, впервые широко использованный Н.В. Гоголем, писатель формировал отфамильные онимы типа “Девушкин”, “Прохарчин”, “Голядкин”, “Мизинчиков”, “Опискин” и др., опираясь на свойство имен собственных меняться в зависимости от контекста. Опираясь на формальное сходство используемых им слов одной части речи, Достоевский создал особый вид метафоры, онимизируя слово, обозначающее понятие, но одновременно сохраняя его вместе с названием определенного персонажа.

Важная особенность имени собственного заключается также в том, что оно обладает исключительно неустойчивой семантической природой, в отличие от значительно более прочного нарицательного. Имя собственное легко разрывает связь со своим означаемым, означаемый им предмет или существо легко можно назвать иначе, используя другое слово. Поэтому в начальный период формирования характера героя нельзя еще писателю срывать “зеленый плод” и именовать своего героя именем, нарицательная форма — “учитель”, “воспитанница” — помогают сохранить хрупкий нарождающийся образ героя в его младенческом онтологическом статусе. Процесс деривации в художественно-поэтическом языке Достоевского во многом шел параллельно процессам в естественном языке, новые языковые единицы (дериваты) возникают на базе других, принимаемых за исходные: “образование одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении” [27, с. 61].

Особенность этого процесса в том, что имя собственное должно иметь реальное означаемое. Но в случае формирования сюжета произведения, определенного литературного героя, имеющего лицо, характер, жизненную среду — еще нет. Другими словами, нужно сформировать героя, но чтобы он был, нужна среда для его существования, без которой он быть не может, онтологически и художественно не состоится. Однако, чтобы сформировать художественный мир, нужна внутренняя точка на него внутри или несколько точек, так как именно в столкновении между ними может развиваться действие и формироваться сюжет. Круг замкнулся, казалось бы, напоминая знаменитую

¹⁷ Там же. С. 22.

дилемму о курице и яйце. И вот плавное движение от общего языкового нарицательного к частному речевому индивидуальному и является эффективным способом преодоления этой проблемы, что, собственно, и реализовал Достоевский в своих медитациях “студент/Студент”, “нигилистка/Нигилистка”, “воспитанница/ Воспитанница” и др.

Далеко не все персонажи, участвовавшие в создании первой версии художественного мира “Бесов”, сохранились в окончательной версии произведения. “Князь А.Б.”, возглавлявший “помещичье семейство”, обратился далее в неопита “нового христианства” на основе почвеннической идеи Достоевского, который в рукописях проповедует основы своей концепции обновленной России; вероятно, не без влияния редакторов “Русского вестника”, эти проповеди и пророчества исчезли из окончательной версии произведения, от них остался лишь след в виде досады Шатова на Николая Ставрогина за то, что тот, по его мнению, изменил своим убеждениям, уверив в их верности своего последователя. Менее сложный путь проделали другие ранние персонажи романа “Бесы”: “воспитанница” получила имя Дарьи Шатовой, “студент” – Петра Степановича Верховенского, “Грановский” – Степана Трофимовича Верховенского, чудаковатый и по-своему обаятельный капитан Картузов ранних записей Достоевского в окончательном тексте произведения лишился всех черт благородства, обратившись в откровенно комическую фигуру фата и дурака капитана Лебядкина, в поэтическом творчестве которого любовная лирика Картузова уступила место неуклюжей “басне о таракане”. “Наездница” в окончательном тексте романа получила имя Елизаветы Николаевны Тушиной, дочери Прасковьи Ивановны Дроздовой. “Губернатор” – Андрей Антонович фон Лембке, его супруга “губернаторша” – Юлия Михайловна фон Лембке.

Применительно к попытке Достоевским использовать в творческих целях колеблющийся собственно-нарицательный функционал имени при формировании характера персонажа, стоит вспомнить о концепции А.А. Белецкого, который видел основное различие между двумя видами имен в том, что имена собственные соотносятся с “дискретными объектами действительности”, в то время как нарицательные могут обозначать понятия [28, с. 10]. Особенно хорошо заметна попытка Достоевского использовать проитволожные функции двух видов имен в каллиграфических записях, когда он извлекал классификаторскую функцию из имени Наполеона, а понятие о моральном качестве человека обращал в имя собственное (Лебезятников, Смердяков, Мерзавцев). Дискретное

в этих опытах переходило в разряд общего, консервативное собственное обращалось в инновационное нарицательно, сугубо частное становилось универсальным, понятие обращалось в вещь или оказывалось живым существом. В творческом процессе Достоевского нарицательное имя выходит за рамки своего словарного значения, требуя добавочных коннотаций, обретая дополнительным значением индивидуализируется, тем самым преодолевает свое основное значение, обретая новое семантическое лицо, обретенная им новая группа признаков резко индивидуализирует его и обращает его в имя собственное. В этом плавном движении от имени нарицательного к имени собственному – от “наездницы” – к “Наезднице”, от “красавицы” – к Красавице”, от “учителя” – к “Учителю” – писатель шел по пути надления своего персонажа все новыми и новыми характерными чертами, которые обращали его из рядового явления в яркую индивидуальность, что и являлось целью его творческих усилий. Именно поэтому для восстановления динамики творческого процесса Достоевского столь важно учесть, когда он писал слово с прописной, а когда со строчной буквы. Колебания по оси “нарицательное/собственное” показывают, как двигалась мысль писателя, когда одна группа коннотаций побеждала другую, общее заменялось характерным и индивидуальным, или, наоборот, определенное становилось бесхарактерным и неопределенным.

Движение от нарицательного к собственному, которое мы видим в этих трансформациях Достоевского, связано с тем, что имя собственное имеет значительно большее количество признаков, чем имя нарицательное. Ведь чтобы стать именем собственным, нужно “начать употребляться так, чтобы обозначать независимо от смысла, или бессмысленно, т.е. собственное = бессмысленное” [29, с. 31]. Эти вопросы заставляют вспомнить о природе имен-теонимов, которым некоторые исследователи отказывают в возможности быть именем. Другими словами, имена божеств (Будда) фактически именами не являются, так как нет указания на десигнат; нечто подобное происходит с Достоевским, когда он называет именем того, кто еще не может быть назван десигнатом, еще не рожденного героя произведения. Такие технические наименования персонажей у Достоевского расширяют языковые возможности в процессе создания художественной формы: если нарицательное существительное “наездница” может выступать в предложении в роли предиката, в то время как функциональные возможности мезонима значительно шире. Ведь при жесткой привязке к ониму определенного лица, которого, фактически, еще

нет, возникают семантические “чёрные дыры”, которые легко преодолеваются в бытовом общении условиями коммуникации избыточностью языка, однако совершенно недопустимы в условиях творческой работы писателя, когда об избыточности говорить не приходится — нет мира для жизни персонажа, нет “другого” для диалога с ним, нет его “голоса”, нет внешности, нет предметного мира, и, главное, отсутствует опора на начальный референт, отталкиваясь от которого, можно было возвести здание художественного мира и вдохнуть в него жизнь. Преодоление этой ономастической катастрофы Достоевский видел в плавном неторопливом переводе нарицательного имени, служащего индексальным ступенькой для шага к имени собственному, вмещающего в себя целое нарождающегося персонажа. И если “невозможность осуществления каких-либо языковых связей даёт имя собственное” [29, с. 31], то лучшим способом освободиться от связей языковых, сохраняя между тем смыслы на уровне иконических образов, является рисование готических арок и портретов.

Формируя художественный мир как среду, в которой призван существовать его персонаж, Достоевский применял свойства имен в соответствии с их инструментальной перспективностью: для имен собственных важны экстралингвистические факторы, имя собственное вырывает факт из языка, погружая его в историю и культуру, в то время как имя нарицательное достаточно уютно чувствует себя в своих лексических пределах. Таким образом, в этих колебаниях между общим и частным, множественным или единственным означаемым, точкой и пространством, понятием и признаком сказывалось стремление писателя найти верное художественное решение, в котором оним и апеллатив выступают как два полюса магнита, между которыми возникают силовые линии творческой мысли писателя. Размытость имени, в котором угадывается понятие и, одновременно, характер — не ошибка и не недоработка писателя, но руководящий принцип его творческого мышления.

Следует признать, что в процессе формирования художественного мира и поэтического языка своего произведения Достоевский создал языковую инновацию, сознательно в роли рабочего инструмента используя окказиональные онимы, с акцентированной мотивационной опорой на вид деятельности или профессию, где свойство обозначаемого нарицательными существительными слова (“наездница”) обращается к сам обозначаемый предмет, персонифицируется и становится действующим лицом, точкой видения мира. Применяя этот метод, Достоевский чувствовал, что при переносе имени нарицательного и разряд имени

собственного он резко увеличивает семантическую нагрузку на слово, заставляя его искать новые мотивационные основания, именно они и несут энергетику развития пучка коннотации, порождая новые и новые характерные признаки и свойства характера персонажа, провоцируют необходимость увеличения объема экстралингвистической информации, способствуя тем самым формированию предметного мира, окружающего героя произведения [21, с. 255–265]. В этом смысле они обладают свойством взаимной дополнительности: имена нарицательные определяют неопределенное внутри ряда понятий, имена собственные вычленивают из этого ряда конкретное и определенное. Номинативная функция имен работает здесь в противоположных направлениях — либо ввести в класс явления, либо вывести их из него. Это хорошо почувствовал Достоевский и воспользовался этой функцией в творческих целях, для формирования характера персонажа и строительства сюжета. Внимание к строчной и прописной буквам в рукописи романа “Бесы”, равно как и ко всем другим произведениям Достоевского, поможет уточнить творческую историю его произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Достоевском: Сборник статей / Под ред. А.Л. Бема. Т. II. Прага, 1933.
2. *Альтман М.С.* Литературные персонажи. По категориям имен // Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1976. С. 139–248.
3. *Флоренский П.А.* Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность // Флоренский П.А. Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 2000. С. 169–234.
4. *Булгаков С.Н.* Философия имени // Булгаков С.Н. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М., 1999. С. 13–240.
5. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы СПб., 1997. С. 168–245.
6. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959. 655 с.
7. *Топоров В.Н.* Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 7–111.
8. *Аверинцев С.С., Франк-Каменецкий И.Г., Фрейденберг О.М.* От слова к смыслу: Проблемы тропегики. М., 2001. 124 с.
9. *Захаров В.Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М., 2013.

10. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 11. Л., 1973. С. 58–333.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999.
13. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. М., 2011.
14. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4.
15. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
16. Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.
17. Lotze H. Mikrokosmos. Leipzig. 1856–1857. V. 2. P. 238–239. Цит. По изд.: Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Полное собрание трудов. М., 1989.
18. Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958.
19. Баршт К. А. Идеографическое письмо Достоевского // Рисунки и каллиграфия Ф. М. Достоевского. Бергамо, 2016.
20. Пашкевич, А. А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка. Дисс. канд. филол. наук. СПб, 2006.
21. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
22. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 томах. Т. 2. М., 1982.
23. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1 М., 2003.
24. Никонов В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М., 2011.
25. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 9. Л., 1974.
26. Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
27. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Его же. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М., 1962.
28. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964.
29. Хамаева Е. А. Китайские антропонимы. Иркутск, 2015.
30. Altman, M.S. *Literaturnyye personazhi. Po kategoriyam imen* [Literary Characters. Category Names]. Altman, M.S. *Dostoyevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestone Names]. Saratov, 1976, pp. 139–248. (In Russ.)
31. Florenskiy, P.A. *Imena. Metafizika imen v istoricheskom osveshchenii. Imya i lichnost'* [Names. Metaphysics of Names in the Light of History. The Name and Personality]. Florenskiy, P.A. *Sochineniya in 4 v. V.3* [Works in 4 Volumes. Vol. 3]. Moscow, 2000, pp. 169–234. (In Russ.)
32. Bulgakov, S.N. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. Bulgakov, S.N. *Sochineniya v 2 tt. T. 2* [Works in 2 Vols. Vol.2]. Moscow, 1999, pp. 13–240. (In Russ.)
33. Losev, A.F. *Veshch' i imya* [Thing and Name]. *Imya: Izbrannyye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnyye materialy* [Name: Selected Works, Translations, Conversations, Research, Archival Materials]. St. Petersburg, 1997, pp. 168–245. (In Russ.)
34. Vinogradov, V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About the Language of Fiction]. Moscow, 1959. 655 p. (In Russ.)
35. Toporov, V.N. *Apologiya Plyushkina: veshch' v antropotsentricheskoy perspektive* [Apologia of Plushkin: the Thing in the Anthropocentric Perspective]. Toporov, V.N. *Mif, Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoye* [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic. Favourites]. Moscow, 1995, pp. 7–111. (In Russ.)
36. Averintsev, S.S., Frank-Kamenetskiy, I.G., Freydenberg, O.M. *Ot slova k smyslu: Problemy tropogenezy* [From Words to Meaning: Issues of Topogenesis]. Moscow, 2001. 124 p. (In Russ.)
37. Zakharov, V.N. *Imya avtora – Dostoyevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Name of the Author – Dostoevsky. Essay of Creativity]. Moscow, 2013. (In Russ.)
38. Stepanyan, K.A. *Yavleniye i dialog v romanakh F.M. Dostoyevskogo* [Phenomenon and Dialogue in F.M. Dostoevsky's Novels]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)
39. Dostoyevskiy, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t. T.11* [Complete Works in 30 Vols. Vol. 11]. Leningrad, 1973, pp 58–333. (In Russ.)
40. Arutyunova, N.D. *Yazyk i mir cheloveka. 2-e Izd.* [Language and the World of Man. The 2nd Ed]. Moscow, 1999. (In Russ.)
41. Mill, John. *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozheniye printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya. Per. s angl.* [System of Logic Syllogistic and Inductive: Presentation of the Principles of Proof in Connection with the Methods of Scientific Research. Transl. from English]. Moscow, 2011. (In Russ.)
42. Karpenko, Yu.A. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature* [Proper Name in Literature]. *Filologicheskiye nauki* [Philology Sciences]. 1986. No 4. (In Russ.)

REFERENCES

1. *O Dostoyevskom: Sbornik statey. Red. A.L. Bem. T. II.* [About Dostoevsky: Collection of Articles. Edited by Boehm, A.L. Vol. II]. Prague, 1933. (In Russ.)

15. Ermolovich, D.I. *Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur* [Proper Names at the Junction of Languages and Cultures]. Moscow, 2001. (In Russ.)
16. Losev, A.F. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. Moscow, 1990. (In Russ.)
17. Lotze, H. *Mikrokosmos*. Leipzig. 1856–1857. V. 2. P. 238–239. Quot. from: Potebnya, A.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Potebnya, A.A. *Polnoye sobraniye trudov* [Complete Collection of Works]. Moscow, 1989. (In Russ.)
18. Espersen, O. *Filosofiya grammatiki. Per. s angl.* [The Philosophy of Grammar. Transl. from English]. Moscow, 1958. (In Russ.)
19. Barsht, K.A. *Ideograficheskoye pis'mo Dostoyevskogo* [Ideographic Writing of Dostoevsky]. *Risunki i kalligrafiya F.M. Dostoyevskogo* [The Paintings and Calligraphy of F.M. Dostoevsky]. Bergamo, 2016. (In Russ.)
20. Pashkevich, A.A. *Prozyshcha i klichki v sisteme nominativnykh sredstv angliyskogo yazyka. Diss. kand. filol. nauk* [Nicknames and Alias in the System of Nominative Means of the English Language. Diss. Kand. Philol. Sciences]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
21. Superanskaya, A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, 1973. (In Russ.)
22. Vygotskiy, L.S. *Myshleniye i rech'* [Thinking and Speech]. Vygotskiy, L.S. *Sobr. soch.: v 6 tomakh. T. 2* [Works: in 6 Volumes. Vol. 2]. Moscow, 1982. (In Russ.)
23. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin, M.M. *Sobraniye sochineniy. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, 2003. (In Russ.)
24. Nikonov, V.A. *Vvedeniye v toponimiku. Izd. 2-e* [Introduction to Toponymy. The 2nd Ed.]. Moscow, 2011. (In Russ.)
25. Dostoyevskiy, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t. T. 9* [Complete Works in 30 Vols. Vol. 9]. Leningrad, 1974. (In Russ.)
26. Potebnya, A.A. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, 1989. (In Russ.)
27. Kurilovich, E. *Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya* [Derivation of Lexical and Syntactic Derivation]. *Ego zhe. Ocherki po lingvistike. Sbornik statey* [Of His Own. Essays on Linguistics. Collected Papers]. Moscow, 1962. (In Russ.)
28. Reformatskiy, A.A. *Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt* [Toponomastica as a Linguistic Fact]. *Toponomastika i transkriptsiya* [Toponomastica and Transcription]. Moscow, 1964. (In Russ.)
29. Khamayeva, E.A. *Kitayskiye antroponimy* [Chinese Anthroponyms]. Irkutsk, 2015. (In Russ.)